

DOI 10.31250/2618-8619-2023-3(21)-7-22

УДК 930.2+339.9:94(517)

Роман Юлианович Почекаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Санкт-Петербург, Россия

ORCID: 0000-0002-4192-3528

E-mail: rpochekaev@hse.ru

**Между дипломатией и правом:
ярлык ильхана Абу Саида венецианцам 1320 г.
(опыт междисциплинарного исследования)***

АННОТАЦИЯ. Ярлык, выданный Абу Саидом, ильханом Ирана, в 1320 г. в пользу венецианцев, ведущих дела в его владениях, неоднократно привлекался исследователями истории отношений средневековых тюрко-монгольских государств со странами Европы (на уровне дипломатических и торговых контактов) и специалистами по монгольской дипломатике XIII–XIV вв. Таким образом, он в большей степени использовался как исторический источник и официальный акт. Между тем большой интерес он представляет также в качестве дипломатического акта и историко-правового памятника. Составленный в принятой для той эпохи форме ханского указа-пожалования, изначально он был подготовлен венецианцами в их собственных интересах. Предпринимается попытка междисциплинарного анализа ярлыка с целью продемонстрировать его значимость для изучения правовых реалий в тюрко-монгольских государствах XIII–XIV вв., в частности специфики их отношений с западными государствами-партнерами. Автор анализирует основные сферы правоотношений, регулирование которых нашло отражение в документе, а также используемые в нем юридические термины из чингизидской правовой практики. Также он выявляет, насколько формулировки, предложенные венецианскими дипломатами, соответствовали принципам и нормам монгольского права, действовавшего в Ильханате. Наконец, проводится сравнительный анализ содержания ярлыка Абу Саида с другими документами чингизидской официальной документации XIII–XIV вв. (в первую очередь монгольского Ирана и Золотой Орды), в том числе с материалами дипломатической переписки и ярлыками-указами на предмет выявления его соответствия официальной чингизидской делопроизводственной традиции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Государство ильханов, Золотая Орда, Венецианская республика, ярлык, международные торговые отношения, торговые привилегии, налоги и сборы, статус иностранцев, традиционное право

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Почекаев Р. Ю. Между дипломатией и правом: ярлык ильхана Абу Саида венецианцам 1320 г. (опыт междисциплинарного исследования). *Кунсткамера*. 2023. 3(21): 7–22. doi 10.31250/2618-8619-2023-3(21)-7-22

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147>, реализуемого в Воронежском государственном университете.

Roman Pochekaev

National Research University Higher School of Economics (HSE)

St. Petersburg, Russia

ORCID: 0000-0002-4192-3528

E-mail: rpochekaev@hse.ru

**Between Diplomacy and Law:
Jarlig of Ilkhan Abu Sa'id to Venetians in 1320
(Attempt at Interdisciplinary Research)***

ABSTRACT. Jarlig given by Abu Sa'id, Ilkhan of Iran to Venetians in 1320 was more than once used by scholars specialized in history of relations between medieval Turkic-Mongol states and European countries in the field of diplomacy and trade. Also it drew attention of specialists in the Mongol diplomacy of the 13th–14th centuries. Thus, it was considered as historical source and official document. Meanwhile, it is of great interest as diplomatic and legal act. It was written in the form of a patent by khan, but originally was prepared by Venetians to promote their own interests. The article is an attempt at interdisciplinary research of the jarlig in order to demonstrate its value for the study of legal realities of the Turkic-Mongol states of 13th–14th centuries and particularly the specific features of their relations with western partner countries. the author analyzes basic field of legal relations reflected in the jarlig as well as Chinggisid juridical terms used in the document. Also, he clarifies if the wordings of Venetian project correlated with principles and norms of the Mongol law in force in the Ilkhanate. Finally, a comparative analysis of Abu Sa'id's jarlig and other Chinggisids' official acts (firstly of the Mongol Iran and the Golden Horde), including diplomatic documents and khans' edicts, is carried out, in order to clarify its correlation to the Chinggisid chancellery tradition.

KEY WORDS: Ilkhanate, Golden Horde, Venetian Republic, jarlig, international trade relations, trade privileges, customs and duties, foreigners' status, traditional law

FOR CITATION: Pochekaev R. Between Diplomacy and Law: Jarlig of Ilkhan Abu Sa'id to Venetians in 1320 (Attempt at Interdisciplinary Research). *Kunstkamera*. 2023. 3(21): 7–22. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2023-3(21)-7-22

---

* The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147>, implemented at Voronezh State University.

Ярлык ильхана Абу Саида (1316–1335), выданный им венецианцам в 1320 г., список которого хранится в Венецианском государственном архиве (*Libri ractorum, reg. IV*), довольно давно известен исследователям — специалистам по истории отношений тюрко-монгольских государств с итальянскими торговыми республиками в Средние века, а также исследователям монгольской дипломатики. Так, С. П. Карпов дает краткую характеристику содержания ярлыка при анализе выстраивания и развития торговых отношений между Венецианской республикой и Государством ильханов в Иране (Карпов 1990: 96). А. П. Григорьев использовал этот документ как один из образцов чингизидской дипломатики для реконструкции аналогичного пожалования венецианцам, данного уже золотоордынским ханом Узбеком (1313–1341) в 1332 г. (Григорьев, Григорьев 2002: 9–10, 24)¹.

Нам известно только одно специальное исследование, посвященное непосредственно данному документу, — статья Л. де Ма Латри, изданная в 1870 г. (Mas Latrie 1870), в которой автор основное внимание уделил доказыванию того, что данный документ является именно жалованной грамотой ильхана Абу Саида, а не договором Венеции с правителем Туниса, как длительное время считалось ранее. Для обоснования своей позиции французский историк провел сравнительный анализ текста документа и отдельных терминов, встречающихся в нем, с другими известными на тот момент чингизидскими, в том числе золотоордынскими, актами, а также воспроизвел оригинальный итальянский текст документа, сопроводив его собственным переводом (вернее, переложением, т. е. передачей смысла статей) на французский язык.

Таким образом, можно констатировать, что ярлык Абу Саида до сих пор привлекал внимание исследователей как исторический источник или как образец чингизидской дипломатики, т. е. как официальный акт. Однако нельзя не подчеркнуть, что прежде всего он является правовым памятником, а также, как мы намерены показать ниже, дипломатическим документом, а в этом качестве до сих пор его никто не исследовал. Кроме того, как отмечал уже Л. де Ма Латри, другие акты, представлявшие собой ильханские пожалования европейским торговцам, до нас не дошли, так что данный ярлык можно в какой-то мере считать уникальным (Mas Latrie 1870: 11).

В статье предпринимается анализ ярлыка Абу Саида как тюрко-монгольского исторического памятника XIV в. и в то же время дипломатического акта, в котором основное содержание посвящено защите интересов венецианцев, которые вели дела в Ильханате, и регулированию их отношений с властями и населением монгольского Ирана. Поскольку документ до сих пор полностью не переводился, автор статьи представляет его перевод, сделанный по тексту, воспроизведенному Л. де Ма Латри (с учетом его собственного перевода на французский язык, точнее переложения, т. е. передачи смысла статей), а также междисциплинарный комментарий.

Целью исследования является демонстрация ценности ярлыка Абу Саида как источника о правовых реалиях в монгольском Иране и, возможно, современных ему других чингизидских государствах и о специфике выстраивания отношений Чингизидов и их подданных со своими западными партнерами. Соответственно для достижения этой цели автор намерен решить следующие задачи: дать историко-правовой комментарий ярлыка, выявив основные сферы правоотношений, которые нашли в нем отражение, и рассмотрев юридические термины тюрко-монгольского происхождения, которые были использованы в итальянском варианте документа; провести формально-дипломатический и сравнительный анализ с целью понять, насколько составители документа следовали традициям чингизидской канцелярии, соотнеся его форму и содержание с другими сохранившимися актами государств Чингизидов; провести сравнительный анализ текста ярлыка и других чингизидских правовых актов, чтобы выяснить, в какой степени составители документа учитывали нормы и принципы права тюрко-монгольских государств.

¹ Характерно, что другие востоковеды, в отличие от А. П. Григорьева, не обращались к изучению ярлыка Абу Саида, вероятно по той причине, что он сохранился лишь на итальянском языке.

Междисциплинарный характер исследования обусловил использование методов из различных наук и дисциплин, в том числе историко-правовой, формально-юридической и сравнительно-правовой анализ, дипломатический анализ, общеисторический подход (изучение документа в конкретных исторических реалиях), текстуальный анализ и др.

Итак, для начала представим перевод ярлыка Абу Саида (Mas Latrie 1870: 24–31).

Это текст предписания императора Абу Саида [Monsayt]², полученного благородным господином Микеле Дольфино, послом господина дожа и коммуны Венеции, в текущем 1320 году, в конце декабря, 22 дня.

1. Во-первых, ни один венецианец и ни наш подданный, вассал или находящийся под покровительством, да не будет подвергаться никакому насилию, не должен платить никакого налога, никакой дорожной пошлины, никакой тамги [*tamoga*], что было установлено прежде согласно древнему обычаю [*usança antiga*].
2. Также ни в одном городе или селении вашей империи наши венецианцы да не будут присуждаться хранить на таможне [*tamogar*] или продавать товары вопреки их воле; но когда кто-то из наших венецианцев пожелает привезти или отправить товары в другое место на хранение по своей воле, то таможенники [*tamogaci*] этого города или этого селения да примут меры и да возьмут плату, выдав расписку.
3. Также служащие [*tatauli*], стражники [*charauli*] и сборщики дорожной пошлины [*pedageri*] да взимают с наших венецианцев только то, что полагается, честно и без всякого насилия.
4. Также во всех частях вашей империи, где наши венецианцы продают свои товары, правители [*Signoria*] и таможенники [*tamgaçi*] да примут меры по их охране, защите и содействию им, а равным образом да позаботятся о том, чтобы им уплатили за проданные товары.
5. Также во всех частях вашей империи, где наши караваны будут останавливаться, да никто не причинит им никакого ущерба, а если такое случится, то правители [*segnoria*], служащие [*tatauli*] и стражники [*charauli*] да примут меры по поиску украденного и нахождению всего полностью, когда наши венецианцы сообщат о краже. И если украденное не будет возвращено полностью, да будут они обязаны возместить убытки нашим венецианцам в связи с кражей или иным причинением вреда, которое они понесли.
6. Также во всех частях нашей империи, где будут проходить указанные караваны и торговцы, они могут пасти своих животных трое суток без всякой платы. И да не смеет никто чинить им никаких затруднений.
7. Также, когда носильщик или погонщик скота за определенную сумму будет нанят для перевозки венецианских товаров, да не смеет никто в вашей империи задерживать или останавливать такового ни по поводу долга, ни по какой иной причине, пока он не завершит маршрут согласно договору с нашими венецианцами.
8. Также, если пропавшая лошадь [*cavalo bolargo*]³ окажется во владениях венецианца, да не смеет венецианец грубо обращаться с ней; можно забрать у него лошадь, честно указав на тавро, которым животное помечено.
9. Также, если венецианец умрет в вашей империи, никто из тех, кто собирает налоги, никакое другое лицо да не посмеет распоряжаться его имуществом или предъявлять права на него кроме венецианского консула.
10. Также, если случится, что венецианец совершит проступок или будет иметь ссору в вашей империи, и если венецианец пожелает быть судим вашим судом, да не может разбирать данное дело ни один чиновник или другое лицо кроме великого судьи [*gran Çerchuqi*] указанной империи.

² Здесь и далее в квадратных скобках даются имена и юридические термины в итальянском оригинале для последующего комментирования.

³ Буквально «лошадь, потерянная хозяином».

11. Также никто да не может требовать *gista ne signal*⁴ ни от которого из наших венецианцев, ни от которого из их переводчиков [*chalamaci*] или служителей [*fameio*]; никто да не имеет права при таких обстоятельствах требовать дань [*terabu to*] ни с кого из них. А если такое произойдет, то консулу достаточно дать слово. Также заявления консула да будет достаточно в случае, если это произойдет с переводчиком или служителем.
12. Также в случае нарушений [*peccadi*]⁵ или споров [*question*], которые случатся между франком и франком, да не вмешивается в них ни один наместник [*segnoria*] или иное лицо за исключением нашего консула; этот консул да имеет право судить по их обычаям [*usança*].
13. Также ни один венецианец да не будет наказан за другого в вашей империи.
14. Также ни один барон [*baron*]⁶, наместник [*segnoria*] или чиновник [*offtiali*] да не может требовать с наших венецианцев никакого побора [*derabuto*] ни под каким предлогом; ни задерживать тех, кто пришел к нему, ни требовать от них что-то продать или подарить против их воли.
15. Также каждый начальник заставы [*caraulo pedegere*] да примет меры, чтобы сопроводить в пределах своей дороги венецианские товары или выделить сопровождение [*badraga*] по своему выбору. Если не сделает этого⁷, да примет меры по возмещению ущерба.
16. Также во всех селениях, куда наши венецианцы захотят отправятся, да будет у них право останавливаться на постой со своими караванами.
17. Также, если наши братья-монахи [*Frari Latini*] захотят возвести часовню в каком-то городе или селении его империи, да могут они это сделать; и никто да не воспрепятствует этому.
18. Также да не воспрепятствует никто ни одному венецианцу в покупке или продаже ни в одном селении.
19. Также ни один лавочник [*bacarioto*], ни другое лицо, имеющее задолженность из числа наших венецианцев да не будет задержано и принуждено уплатить долг ни по какой-либо причине каким-либо третьим лицом⁸.
20. Также ни один из наших венецианцев, его переводчиков и служителей да не будут под каким-либо предлогом принуждены платить налоги или сборы [*daia ne cholta*], которые взимаются в указанной империи императором или каким-либо другим лицом⁹.
21. Также сделка между венецианцем и франком ничтожна, если они не привлекли посредника.
22. Также ни один венецианец, изготавливающий вино для своих нужд, да не платит ни *clumtaga*¹⁰, ни сбора [*dreta*].
23. Также ни один венецианец да не будет принужден платить дорожную пошлину [*pedaço*] нигде, кроме мест, в которых она взимается.
24. Также, если кто-то из наших венецианцев имеет долг или обязательство по договору в вашей империи, никто другой из наших венецианцев да не будет ущемлен лично или в отношении имущества кроме самого должника. А если такое произойдет, то должник должен возместить ему выплаченный долг или иное выполненное обязательство.
25. Также ни один венецианский гонец [*corer*], идущий или едущий, да не будет задержан никаким образом и ни под каким предлогом.
26. Также каждый малик области [*melicho essiena*] да будет обязан оказать помощь и содействие нашему венецианскому консулу, если он за ней обратится в связи с любым делом венецианцев или их караванов или в любых других обстоятельствах, когда консул обратится к мелику или его людям.

⁴ В переводе Л. де Ма Латри вместо данных терминов стоит пропуск. Речь может идти о каких-то экстраординарных сборах в пользу высокопоставленных сановников, воспринимаемых как дань уважения к ним, по аналогии с «поминками», «почестьем» и пр. в ярлыках золотоордынских ханов русской церкви.

⁵ Буквально «прегрешения».

⁶ Вероятно, имеется в виду владетельный представитель знати, в отличие от наместников, назначавшихся по воле ильхана. О «баронах» при дворе хана Хубилая упоминает и Марко Поло (Книга 1997: 265–266).

⁷ Имеется в виду: в случае нападения на торговцев, оставшихся без охраны по вине начальника заставы.

⁸ Подобное действие вправе осуществить только лично кредитор.

⁹ Речь идет о налогах с местного населения.

¹⁰ В переводе Л. де Ма Латри вместо этого термина стоит пропуск. Речь может идти о натуральном платеже в виде части изготовленной продукции в региональную или ханскую казну.

27. Также ни за какую вину и ни из-за какого события на море или на суше да не будет привлечено другое лицо, ни отец за сына, ни сын за отца, ни компаньон за компаньона, которые ведут дела вместе, ни слуга, ни иное лицо, живущее в том же доме. Только тот, кто допустил нарушение, да будет нести ответственность.

28. Также торговцы да могут иметь столько посредников, сколько пожелают; и никто им да не воспрепятствует.

29. Также, так как господин посол [*miser lo Mesaço*] сказал, что умер один из наших венецианцев по имени сер Франческо да Канале в селении, именуемом Арсенга¹¹, и что его имущество было взято лицом по имени Бадр ад-Дин Лулу [*Badradin Lulu*], господин император повелел, чтобы когда господин посол направит от его имени человека, следует передать упомянутое имущество этому человеку.

И кто воспротивится написанному здесь, да встретит смерть; по слову указанного императора.

Вышеприведенный текст привлекает внимание уже своей стилистикой. Несомненно, в содержательном отношении это жалованная грамота, которой венецианцам предоставлялись многочисленные права, льготы и привилегии. Однако форма подачи материала дает основание считать, что перед нами скорее проект ярлыка, подготовленный самими венецианцами и представленный ильхану Абу Саиду. На то, что это не перевод с ярлыка, подготовленного в канцелярии ильхана, указывают такие грамматические конструкции, как «наши венецианцы», «его империя» и т. д., а также, как мы увидим ниже, многочисленные привилегии, которые просто-напросто не могли быть предоставлены венецианцам властями Ильханата в полном объеме.

Еще одним основанием считать, что в архиве до нашего времени сохранился именно венецианский проект, а не итоговый текст ярлыка, переведенный на итальянский язык, является отсутствие в его тексте ряда элементов формуляра чингизидских грамот, в частности invocации, адресата и корроборации.

Invocация («богословие») представляет собой апеллирование к богу, волей которого чингизидский монарх занимал трон. В сохранившихся до нашего времени грамотах ильханов (включая самого Абу Саида) в зависимости и от периода истории соответствующего государства, и от содержания документа это могла быть апелляция в Вечному Небу, Богу, Аллаху (Пучковский 1949: 400, 403; см. также: Пашуто 2011: 212).

Адресат, т. е. обращение, в нашем тексте также отсутствует, между тем это важнейший элемент ярлыка, поскольку именно он определяет круг лиц, которому следовало либо исполнять предписания ханского указа, либо, напротив, воздерживаться от каких-либо действий. Например, в другой сохранившейся до нашего времени жалованной грамоте ильхана Абу Саида, правда выданной собственному подданному, адресат выглядит следующим образом: «Сотникам Гиляна, Даставанда, Густасби, тем, кто будет назначен нами... Арана, Мугана, меликам, наибам, мутасарифам, писцам, кадиям, сейидам..., и остальным..., старейшинам, раисам, кедхудам, многочисленным райатам» (Cleaves 1953: 27–28).

Наконец, корроборация («удостоверение») придает официальный характер создаваемому документу, поскольку содержит указание даты и места составления, указание на наличие печати, которой документ заверяется, в ряде случаев также имени писца, который его составлял. В вышеупомянутой жалованной грамоте Абу Саида такие элементы присутствуют: упоминается золотая пайзца, прилагаемая к ярлыку, алая печать, которой он был заверен, указана дата составления (причем как по лунному, так и по мусульманскому календарю), а также зафиксировано место составления — Султания, столица Абу Саида (Cleaves, 1949: 32–33; Григорьев 1978: 67; Григорьев, Григорьев 2002: 63, 112).

¹¹ Современный Эрзинджан в Восточной Анатолии (Турция).

Отметим, что другие ярлыки, которые венецианцы получали от чингизидских правителей, имеют эти атрибуты даже в переводе на латинский и итальянский языки, в частности указы золотоордынских ханов Узбека, Джанибека и Бердибека, в которых все вышеперечисленные элементы протокола присутствуют (Григорьев, Григорьев 2002: 11, 24, 45, 65, 87, 89, 112, 114, 131, 160; Хаутала 2019: 899, 900)¹². Следовательно, есть все основания полагать, что наш документ является лишь заготовкой, пропущенные элементы в которую предполагалось вставить при официальном составлении и оформлении ярлыка.

Таким образом, не подлежит сомнению, что изначальная версия ярлыка была подготовлена именно в канцелярии Венецианской республики, а не разработана по просьбе итальянских купцов или дипломатов чиновниками Ильханата. Надо сказать, что такая практика была характерна не только для монгольского Ирана, но и для других чингизидских государств. Например, исследователи высказывают вполне обоснованные предположения, что первоначальные проекты ярлыков, которые ханы Золотой Орды жаловали русским митрополитам в XIII–XIV вв., также изготавливались в канцелярии митрополитов либо же сарайскими епископами — представителями русской церкви в золотоордынской столице (Соколов 2010: 93).

Впрочем, все остальные элементы формуляра, характерные для чингизидских ярлыков, мы можем видеть и в данной заготовке: адресант (имя хана), диспозиция (основное содержание документа), санкция (угроза смертью за неисполнение предписания указа). Это дает основание считать, что венецианские составители проекта ярлыка прекрасно знали официальный формуляр указов, составлявшихся в ильханской канцелярии, и постарались составить текст в виде, максимально к нему приближенном.

Теперь обратимся к содержанию документа, которое также представляет обширное поле для анализа.

Как уже отмечалось, долгое время этот документ считался договором между Венецией и правителем Туниса. Однако Л. де Ма Латри не только удалось доказать, что этот акт относится к персидско-венецианским отношениям, но и совершенно справедливо скорректировать вид правового акта. Несомненно, это не договор, а именно жалованная грамота¹³. Явным признаком таковой является наличие в тексте исключительно прав и льгот венецианцев при почти полном отсутствии каких бы то ни было обязанностей с их стороны. Да и подданные Абу Саида фигурируют в документе как лица, либо обязанные содействовать венецианским торговцам и дипломатам, либо воздерживающиеся от каких-либо действий, которые ущемляют права итальянцев.

Структура документа, несмотря на разбитие его на четкие статьи (каждый пункт начинается со слова *Item*, что и дает основание нумерации соответствующих пассажей), выглядит не всегда логичной. Различные аспекты взаимоотношений венецианцев с персидскими чиновниками и другими представителями населения разбросаны по разным частям документа. Вполне возможно, что при составлении проекта разные его авторы дополняли отдельные положения, которые просто-напросто вписывались ниже, без учета того, что они относятся к иному вопросу, нежели непосредственно предшествующие им статьи.

Основное внимание составители документа уделили гарантиям безопасности венецианских торговцев и непричинения вреда их интересам и имуществу.

В первую очередь это было связано с уплатой или отсутствием обязанности уплаты многочисленных налогов и сборов, которые существовали в Ильханате (равно как и в других чингизидских государствах) для различных категорий населения, включая иностранцев.

Помимо общего упоминания о разного рода «налогах», «сборах», «пошлинах» и пр., в ярлыке Абу Саида фигурируют и упоминаются в различных статьях конкретно дорожная пошлина и торговый налог «тамга» (ст. 1, 3, 23). Особые сборы, взимающиеся либо в отдельных случаях,

¹² Только в ярлыке хана Бердибека в итальянском переводе отсутствует invocatio (Григорьев, Григорьев 2002: 131).

¹³ Впрочем, С. П. Карпов склонен трактовать этот документ именно как соглашение об открытии венецианской фактории в Тебризе и учреждении в нем должности консула (Карпов 1990: 96).

либо в связи с производством конкретной продукции, предположительно, упоминаются в ст. 11 (дары в пользу сановников) и 22 (натуральный сбор с производителей вина), правда в контексте предоставления венецианцам иммунитета в отношении этих видов налогов.

Вопроса об отмене тамги, как видим, венецианцы в принципе не ставят, лишь стремясь добиться гарантий, что он будет взиматься именно в таком размере, какой предусматривало чингизидское (в частности, ильханское) законодательство. Тамга являлась едва ли не основным источником доходов казны и в Ильханате, и в Золотой Орде (Почекаев 2022: 175–179), поэтому не приходилось ожидать, что правители-Чингизиды согласились бы отменить этот налог или даже существенно снизить его ставку.

Что касается дорожной пошлины, то вопрос с ней гораздо сложнее. В тексте ярлыка она фигурирует как *pedaço*. Так назывался аналогичный налог и в средневековой Италии¹⁴. Однако это слово вместе с тем до некоторой степени созвучно с термином *бадж*, который издавна употреблялся на территории Ирана именно для обозначения дорожной, мостовой переправной пошлины¹⁵. Неудивительно, что ильханы восприняли этот старинный персидский институт и взяли его на вооружение.

Однако далеко не сразу властям удалось упорядочить процесс взимания дорожных пошлин. Рашид ад-Дин в «Сборнике летописей» ярко описал злоупотребления и прочие преступления, связанные с их сбором. Так, пользуясь нестабильностью в стране, чиновники, уполномоченные ее взимать (*туткаулы* или заставщики), могли устанавливать произвольный размер *баджа*, забирать в качестве сбора часть товара и т. п. Именно против таких злоупотреблений и направлена статья 3 анализируемого ярлыка. Более того, жители ряда территорий могли выдавать себя перед иностранцами за *туткаулов* и фактически грабить их под предлогом сбора дорожной пошлины. Ильхан Газан на какое-то время в значительной степени пресек эту порочную практику (Рашид ад-Дин 1946: 268–269), однако в дальнейшем она вновь стала проявляться. Рашид ад-Дин в письме своему сыну, наместнику одной из областей, уже в 1310-х годах писал, чтобы тот активизировал борьбу с незаконным взиманием *баджа* (Рашид ад-Дин 1971: 148–149). Вероятно, именно эта ситуация и нашла отражение в статье 23, которая вне данного исторического контекста выглядит не вполне понятной.

Тот факт, что злоупотребляли своими полномочиями, особенно в отношении иностранных торговцев, не только сборщики дорожной пошлины, но и другие должностные лица, нашел отражение в целом блоке статей. Так, статья 2 говорит о запрете для местных таможенников (*тамгачи*) заставлять торговцев сдавать товары на хранение, естественно за плату, или продавать их на невыгодных условиях. Статья 11 запрещает требовать экстраординарные сборы, которые взимались с местного населения, но никак не с иностранцев. Статья 14 не позволяет правителям и владетельной аристократии вымогать подарки или опять же требовать продать им товары по заведомо низкой цене.

Целая группа статей предписывает чиновникам обеспечивать безопасность венецианских торговцев и их товаров. Именно эти положения, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что перед нами проект документа, содержащий желательные для венецианцев права и привилегии, а не те, которые практиковались в отношении иностранных купцов в Ильханате. Так, статья 4 возлагает на наместников и таможенников обязанность защищать торговцев и обеспечивать получение ими платы за их товары. Следующая статья конкретизирует, в чем должна была состоять защита: должностным лицам следовало охранять торговцев и их имущество от кражи или причинения другого ущерба. Аналогичную обязанность возлагает статья 15 на начальников застав. При этом статьи 5 и 15 предусматривают ответственность чиновников за неисполнения своих функций: в случае причинения ущерба торговцам представители власти должны были за свой счет возме-

¹⁴ В современном итальянском *pedaggio* также означает оплату проезда по автостраде, мосту или туннелю.

¹⁵ Этот персидский термин употребляется уже географом первой половины X в. ал-Истахри при описании системы торговых и таможенных отношений в Хазарии (Заходер 1962: 169–170).

стить им убытки. Надо сказать, что такая практика представляется более разумной, чем существовавшая в Золотой Орде, где в случае, если украденный товар не находился, его стоимость должны были возмещать жители того населенного пункта, в округе которого произошла кража или разбойное нападение (Почекаев 2009: 117)¹⁶.

Следует отметить, что вопросы, связанные с налоговыми льготами и обеспечением безопасности, являлись своего рода «стандартным набором» в ярлыках (*фирманах*), при разных обстоятельствах издававшихся персидскими правителями самых разных времен. Например, проезжая грамота ильхана Абаги (1267–1282), выданная французским послам, гласит: «Люди, перевозчики и смотрители почтовых станций, встретившие [на пути] епископов во главе с Барачиргуном, которые прибыли от имени Папы, предоставьте им, пропуская без разрешения, перекладных лошадей, питье и пропитание. Не прибегайте к насилию с тем, чтобы завладеть ими» (Шаймарданова 2014: 92–93; ср.: Тумахани 2011: 190). Обратившись к гораздо более позднему, «постчингизидским», временам, мы можем найти близкое по значению положение в грамоте персидского шаха Сефи I (1629–1642) московскому царю Михаилу Федоровичу (1613–1645), отправленной в 1631 г. по поводу своего посла-«купчины»: «Да желанье наше у Вас то, чтоб Вы велели приказать своим приказным людям, чтоб они к нему ласку и береженье и в купле, и в продаже повольность держали, чтоб он исторговался повольною торговлею... А Вам бы его не велеть задерживать и всегда б меж нас послом и посланником на обе стороны дорога была чистой» (Персидские дипломатические документы 2021: 96–97). В этом отношении притязания венецианцев, как видим, были отнюдь не уникальными.

Обращает на себя внимание многократное упоминание в ярлыке Абу Саида караванов (ст. 5, 6, 16, 25), например в золотоордынских ярлыках, издававшихся тем же венецианцам, караваны не фигурируют. Вероятно, это было связано с тем, что венецианцы в Золотой Орде вели портовую торговлю (через Тану и другие города), тогда как в Иране они пользовались многочисленными сухопутными маршрутами. Поэтому для венецианцев в Золотой Орде также не было актуально право пасти свой скот до трех суток без оплаты в пользу местных властей (ст. 6) или землевладельцев или останавливаться на постои в местных селениях (ст. 16).

Ряд статей касается не только самих венецианских торговцев, но и лиц, которые так или иначе вовлекались в их деятельность — носильщиков и погонщиков скота (ст. 7), переводчиков-толмачей, служителей (ст. 11, 20), курьеров (ст. 25). Основным принципом в этих статьях является, во-первых, приоритет их обязанностей по отношению к своим хозяевам или нанимателям над обязательствами в отношении других лиц, во-вторых, приравнивание их по статусу к венецианцам. Авторитет Венеции, таким образом, распространялся не только на ее граждан, но и на упомянутых в статье I «подданных, вассалов и находящихся под покровительством». Неслучайно консул мог защищать перед ордынскими властями интересы как влиятельного торговца, так и простого «жителя». А возможности консула являлись весьма широкими, ведь, согласно статье 26, он имел право обращаться за содействием к региональным правителям (*меликам*) и их подчиненным, которые не имели права ему отказать. Полагаем, эта помощь вполне могла распространяться и на действия по защите консулом интересов венецианских подданных.

Большой интерес представляет статья 8, являющаяся одной из немногих, где прописаны не очередное право или льгота, а обязанность венецианцев — речь идет об институте *буларгу*¹⁷. Пропажа или побег скота, равно как и потеря имущества в походах или при перекочевках, была постоянной проблемой кочевников, поэтому уже в первой половине XIII в. в Монгольской импе-

¹⁶ Впрочем, подобный подход также представляется объяснимым, поскольку именно население Золотой Орды несло повинность «караул», т. е. охрану местностей, которую в монгольском Иране выполняли специальные чиновники и военные отряды с аналогичным названием.

¹⁷ «[Слово] буларгу в терминологии монголов обозначает что-то потерянное, что не нашел владелец, как то: невольник, невольница или животное» (Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани 1976: 67 араб. паг.). Перевод с персидского оригинала выполнен кандидатом исторических наук И. А. Мустакимовым, старшим научным сотрудником ЕНУ им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан).

рии, а затем и в улусах Чингизидов появляется институт чиновника, ответственного за поиск и возврат таких вещей — *буларгучи*. О нем упоминает уже Иоанн де Плано Карпини, папский посол, посетивший Монгольскую империю в 1245–1247 гг.: «Если же теряется скот, то нашедший его либо отпускает, либо ведет к назначенным для этого людям, у которых уже те, кому принадлежит скот, требуют его и без каких-либо трудностей получают его назад» (Плано Карпини 2022: 139). Этим чиновникам должны оказывать содействие любые лица, обнаружившие чужое имущество. Неудивительно, что составители проекта ярлыка сочли целесообразным включить этот пункт в текст, тем самым стараясь показать, что знают о соответствующей практике монгольских властей и готовы содействовать ее реализации.

Близкой по сути к статье 8 является и следующая статья, запрещающая кому бы то ни было присваивать имущество умершего иностранца. Характерно, что она во многом созвучна с одним из установлений Чингисхана, которое, согласно Ата-Малику Джувейни, вошло в его Великую Ясу: «А еще такой у них порядок, что коль умрет чиновник либо простолюдин, что после него останется, много ли, мало ли, — прицепки не делают и никто не вмешивается. Коль не было у покойного наследника, дают (имущество) его ученику либо холопу (*ghulam*) и ни под каким видом добро умершего не берут в казну, и считают это неподобным» (Вернадский 1999: 145–146). Впрочем, тот факт, что и здесь представители властей могли допускать злоупотребления, отражен в сообщении флорентийского торговца Франческо Балдуччи Пеголотти, составившего свое руководство для торговцев, ведущих дела в Золотой Орде, как раз около 1320 г., т. е. в год составления проекта ярлыка Абу Саида: «Путь следования из Таны в Катай совершенно безопасен как днем, так и ночью, согласно тому, как рассказывают торговцы, которые им пользовались. За исключением того, когда торговец умрет по дороге или на обратном пути. Тогда все вещи переходят к господину той земли, где умер торговец, и все берут чиновники господина. И так же будет, если он умрет в Катае. На деле, если с ним будет его брат или близкий спутник, который скажет, что он его брат, тогда ему отдадут все имущество умершего, и таким образом сохранится имущество» (Хаутала 2019: 876). Вероятно, именно для предупреждения таких действий и была включена в текст ярлыка статья⁹.

Любопытным представляется положение о подсудности венецианцев суду Ильханата. Согласно статье 10, их мог судить только «великий судья». В оригинале используется термин *дзаргучи*, т. е. речь идет о судьях, которые выносили решение на основе Великой Ясы Чингисхана и предписаний ханов, которые назначали их на должность. Великий *дзаргучи* являлся отнюдь не высшей инстанцией (таковой, конечно же, был сам хан). Так называлась должность, обладатель которой вел наиболее важные дела, собирал доказательства по делу, оценивал их и передавал свое заключение уже непосредственно монарху (Почекаев 2023). Вероятно, этой статьей венецианцы хотели подчеркнуть, что дело любого венецианца заслуживает наиболее профессионального и внимательно-го расследования.

Статья 12, как ни странно, посвящена вовсе не венецианцам, а «франкам», т. е. выходцам из других стран Западной Европы¹⁸, которые, судя по контексту документа, достаточно четко дифференцировались с гражданами Светлейшей Республики. В этой статье явно отразилось стремление венецианцев получить дополнительные привилегии, на этот раз — право венецианского консула разбирать дела с участием всех европейцев на территории монгольского Ирана, тем самым до известной степени контролируя их пребывание и деятельность на территории Ильханата.

Целая группа статей последовательно устанавливает и конкретизирует своеобразную «презумпцию невиновности» (ст. 13, 24, 27). В них настойчиво проводится принцип ответственности только того венецианца, который совершил проступок или оказался чьим-либо должником, но никак не других его соотечественников, не имевших отношения к данному противоправному

¹⁸ То, что речь идет не только о подданных короля Франции, нашло отражение в послании ильхана Олджайту французскому королю Филиппу Красивому, в котором он обращается к государям Европы «многочисленные франкские султаны» (Козин 1934: 648).

деянию. Несомненно, практика подобных злоупотреблений имела распространение в чингизидских государствах. Неслучайно тот же принцип недопустимости ответственности «отца за сына или сына за отца» нашел отражение и в ярлыках золотоордынских ханов венецианцам Таны (Григорьев, Григорьев 2002: 73, 120, 164–165). В какой-то мере к этому блоку примыкает и статья 19, которая запрещает требовать погашения долга кому-либо, кроме кредитора, что также могло причинить существенный ущерб торговцам. С. П. Карпов описывает подобную ситуацию: «В 1324 г. венецианский байло в Тебризе жаловался дожу, что торговый агент венецианского купца Марко Даванцо сделал в городе большой долг и не смог его уплатить, что привело к обострению отношений с местным населением и властями. Агент был заточен в тюрьму, и для его освобождения потребовалась большая сумма — около 5000 безантов» (Карпов 1987: 29). Несомненно, если бы отношения ограничились конфликтом должника непосредственно с кредитором (кредиторами), без участия властей, то купец вряд ли понес столь серьезные потери при улаживании дел своего агента.

Статья 17, как и статья 12, посвящена не непосредственно венецианцам: в ней речь идет о праве католических монахов вести миссионерскую деятельность и строить собственные культовые сооружения. Итальянские торговые республики нередко использовали духовные миссии как один из инструментов укрепления своих позиций в чингизидских государствах. Неудивительно, что францисканцы и доминиканцы уже в 1320-х годах имели сначала миссии, а затем даже целые епархии в тех городах, где Венеция имела свои фактории: Тане, Солдаёе, Воспоро, Султании, Тебризе, Арсенге (Хаутала 2019: 318, 631)¹⁹. Весьма любопытно, что эти епархии строились во владениях золотоордынского хана Узбека и персидского ильхана Абу Саида, которые позиционировали себя как ревностные мусульмане. Вероятно, в данном случае составители проекта ярлыка делали ставку не на их религиозное рвение, а на приверженность к чингизидским традициям, предписывавшим религиозную терпимость²⁰.

В проект вошел ряд статей, содержание которых представляется несколько общим, например статья 18, запрещающая мешать венецианцам торговать. Думается, причиной ее включения стало желание лишний раз подчеркнуть обязанность представителей местных властей и населения воздерживаться от противодействия венецианским торговцам. Статья 20, на первый взгляд, представляет дублирование предыдущих статей, предоставляющих венецианцам налоговый иммунитет. Однако она, по-видимому, означает, что венецианцы как иностранцы не должны были платить всю совокупность налогов и сборов, которыми облагались подданные ильханов.

Любопытной представляется статья 21, предусматривающая обязательное участие посредника в сделке «между венецианцем и франком». Институт посредников был широко распространен в чингизидских государствах, встречается он и в золотоордынских ярлыках, адресованных венецианцам (Григорьев, Григорьев 2002: 57). Он был выгоден для властей, поскольку посредник получал от клиентов вознаграждение, шедшее в казну. Правда, не вполне понятно, почему именно сделки между венецианскими торговцами и их партнерами из других государств Западной Европы, нуждались в посреднике. Возможно, тем самым составители документа в очередной раз хотели продемонстрировать, что своим вариантом текста блюдут интересы ильхана и его казны²¹. Ведь если сделка совершалась с подданным ильхана, он и так платил в казну соответствующий налог. В пользу этой версии говорит и еще одна, казалось бы, не совсем понятная статья 28: чем больше посредников, тем больше поступлений могло идти в казну.

¹⁹ Впрочем, аналогичная тенденция прослеживалась и во владениях генуэзцев (Хаутала 2019: 457–458, 630).

²⁰ Впрочем, сами венецианцы не считали Абу Саида столь уж ревностным мусульманином. Например, венецианский путешественник и мыслитель Марино Санудо в «Книге секретов верных кресту», написанной около 1323 г. (т. е. примерно в то же время, когда составлялся проект ярлыка), считал, что персидский ильхан может рассматриваться Венецией как союзник в борьбе с султаном Египта и ханом Золотой Орды, которые, по его мнению, как раз и были главными ревнителями ислама и соответственно подлежали уничтожению (Хаутала 2019: 850).

²¹ Кроме того, это положение, как и статья 12, могло отражать стремление венецианцев диктовать свои условия другим европейцам, ведшим дела в государстве ильханов.

Весьма загадочной представляется заключительная статья 29, которая в какой-то мере при-мыкает к статье 9, поскольку касается судьбы имущества венецианца, умершего в Персии. Однако, в отличие от предыдущих статей, предписания которых носят универсальный характер, эта статья отражает, так сказать, частный прецедент (казус): в ней упоминаются конкретные покойный обладатель имущества и нарушитель прав его наследников — житель города Арсенги²², а также конкретное решение ильхана по данному вопросу. Поскольку с подобного рода положением частного характера в универсальном ханском указе до сих пор мы не встречались ни в одной чингизидской жалованной грамоте, остается лишь строить предположения. Первое из них — это то, что приведенный казус мог стать основанием для рассмотрения и выдачи данного ярлыка Абу Саидом в целом. Правда, в таком случае эта статья была бы помещена в начало ярлыка в качестве «наррации», т. е. обоснования его выдачи. Второе возможное объяснение: этот пункт стал первым решением, принятым непосредственно на основе выданного ярлыка. Но этому противоречит тот факт, что анализируемый документ, как мы предположили выше, является лишь проектом. Таким образом, данный вопрос остается открытым до тех пор, пока мы не обнаружим аналогичных положений в других чингизидских указах (жалованных грамотах).

Разобравшись с содержанием документа, считаем целесообразным сказать несколько слов о его лексике. Обратим внимание на то, что составлявшие его итальянцы прекрасно разбирались в тюрко-монгольской юридической терминологии. На это указывает уместность использования в ярлыке соответствующих терминов: во многих случаях используются именно оригинальные названия и налогов, и должностей, и других правовых институтов — *tamoga / tamogaçi, tataul, charaul, melik, boralgo* и др. Это свидетельствует о том, что к составлению документа, несомненно, причастны лица, непосредственно бывавшие в Ильханате или в других тюрко-монгольских улусах, владевшие языком и непосредственно участвовавшие в правоотношениях, — дипломаты, торговцы, переводчики и т. п.

Резким диссонансом с этим наблюдением выглядят другие термины, обозначающие название титулов и должностей в итальянском «переводе», например наместники — *segnoria* вместо *даругачи* или *шихне*, бароны — вместо владетельных князей (нойонов, эмиров или беков) и т. д. По всей видимости, переводчики сознательно оставили их в таком варианте, чтобы власти республики, которым предстояло утвердить проект договора, примерно представляли себе, кому в их собственной традиции соответствуют те или иные носители власти в монгольском Иране, каковы пределы их полномочий, влияния и пр.

Как бы то ни было, использование аутентичных терминов в проекте ярлыка указывает, по-видимому, на то, что его составители (как и поручившее им составление документа руководство Венецианской республики) были заинтересованы в том, чтобы проект был рассмотрен, утвержден и принят как можно в более короткие сроки.

Причин спешить у венецианцев, несомненно, было предостаточно.

Достаточно рано, еще в начале XIII в., освоив Северное Причерноморье, в том числе Крымский полуостров и бассейн Азовского моря, торговцы из Венеции гораздо позже, чем их главные соперники-генуэзцы, оказались в южной части Черного моря, где их присутствие (и то эпизодическое) впервые фиксируется лишь около 1263 г., а планомерное проникновение в Ильханат начинается вообще на рубеже XIII–XIV вв. В это время ильхан Газан, дядя Абу Саида, провел реформы²³, благодаря которым стабилизировалась ситуация в стране, уменьшилась преступность, стали активно развиваться ремесло и торговля. Основав свою первую факторию в Трапезунде,

²² Лицо, осуществившее захват имущества покойного иностранца, идентифицировать не удалось. Единственный известный обладатель имени Бадр ад-Дин Лулу — это правитель (малик) Мосула в 1222–1259 гг., который в последние годы своей жизни признавал вассалитет от ильхана Хулагу (1256–1265). Однако вряд ли речь в данном случае идет о нем или о ком-то из его потомков: слишком велика разница в географии и хронологии.

²³ Проект реформ ильхана Газана был разработан и реализован при непосредственном участии везира Рашид ад-Дин (1247–1318) — выдающегося персидского государственного деятеля и ученого, который подробно описал преобразования своего патрона в «Сборнике летописей».

венецианцы со временем стали укреплять свои позиции и во владениях ильханов. Они имели фактории, в частности, в Арсенге и крупнейшем городе Ильханата Тебризе (Карпов 1981: 48, 50; 1990: 67, 68, 93–95).

Считается, что первая привилегия венецианцам была выдана еще ильханом Олджайту (1304–1316) — отцом и предшественником Абу Саида, однако, во-первых, у нас нет сведений о ее содержании, во-вторых, согласно чингизидской законотворческой традиции, каждый новый правитель, вступая на престол, должен был собственным актом волеизъявления подтвердить или отменить пожалования, сделанные его предшественниками. Вероятно, именно с этим мы имеем дело в данном случае. И, скорее всего, апеллируя к предыдущему пожалованию, составители проекта сослались в статье 1 на «древний обычай», т. е. ранее установленные принципы взимания с их торговцев налогов и сборов.

К сожалению, у нас нет сведений о том, насколько эффективно исполнялись предписания ярлыка Абу Саида, да и вступил ли он вообще в действие. Вполне вероятно, что столь широкие льготы, которые венецианцы стремились включить в текст, могли вызвать недовольство у персидских чиновников и торговцев, которые не получали от Венеции взаимных прав и привилегий. Неудивительно, что конфликты и злоупотребления, избежать которых венецианцы стремились, ходатайствуя о получении ярлыка, продолжались и после 1320 г.

Вероятно, именно это обстоятельство побудило власти Венеции в 1327 и 1328 гг. создать специальные комиссии по обсуждению выстраивания отношений с Ильханатом, итогом работы которых стала выработка проекта уже не жалованной грамоты, а полноценного договора с тем же Абу Саидом, предусматривавшего предоставление взаимных прав и привилегий венецианским и персидским торговцам. К ильхану отправилось посольство, однако в силу каких-то причин к 1331 г. договор не только не был заключен, но и сами послы, а также несколько торговцев попали в заключение и только к концу года были выпущены при посредничестве императора Трапезунда, который поспособствовал также подписанию желанного договора в начале 1332 г. Однако, как и ярлык 1320 г., это соглашение не решило проблем, которые периодически возникали как в торговых, так и в дипломатических отношениях. Обострение отношений доходило до того, что венецианский сенат несколько раз в 1325, 1335 и 1338 гг. вводил запрет на торговлю граждан республики в Персии, грозя нарушителям штрафом (Карпов 1981: 51).

Два последних запрета, впрочем, были вызваны объективными причинами: в 1335 г. скончался ильхан Абу Саид, и его держава вскоре раскололась в результате борьбы разных претендентов на трон. Естественно, в этих условиях Венеция не могла гарантировать безопасности своих подданных, равно как и требовать такой гарантии от противоборствующих ильханов. Поэтому в 1338 г. Сенат прямо предписал венецианцам в течение двух месяцев покинуть персидские владения. Некоторые жители республики, впрочем, пытались остаться и вести дела на свой страх и риск, но к середине 1340-х годов стало понятно, что дальше Тебриза в условиях персидской междоусобицы им вести дела не удастся. Кроме того, в 1344 г. колония генуэзцев в этом городе была разгромлена в результате захвата его очередным претендентом, что также не могло не подвигнуть венецианцев окончательно свернуть дела в гибнущем Ильханате. Попытки восстановить торговлю Венеции с Ираном имели место уже в 1370-х годах, когда к власти пришла новая династия Джалаиров, не принадлежавших к потомкам Чингисхана. Но ее правители, в отличие от ильханов-Хулагуидов первой трети XIV в., не могли обеспечить безопасность дорог, и после разграбления одного из венецианских караванов республика окончательно отказалась от персидского направления торговой экспансии, сосредоточившись на развитии торговли через Тану (Азов) (Карпов 1990: 97).

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на определенные проблемы и противоречия, именно период 1310-х — середины 1330-х годов был временем наивысшего расцвета персидско-венецианских торговых отношений, и неслучайно именно к этому периоду относится проанализированный нами документ.

Проведенный комплексный анализ формы и содержания ярлыка Абу Саида в общеисторическом, социально-политическом и историко-правовом контексте не дает возможности утверждать, что этот правовой акт действительно вступил в законную силу и тем более эффективно исполнялся на практике. Тем не менее считаем, что он представляет значительную ценность с точки зрения изучения правовых реалий Ильханата и других чингизидских государств (прежде всего Золотой Орды), имевших отношения с западными политическими и торговыми партнерами. С одной стороны, документ свидетельствует о намерениях властей монгольского Ирана создать для иностранных торговцев (в первую очередь представителей итальянских торговых республик) режим наибольшего благоприятствования, причем в этом были заинтересованы обе стороны. С другой стороны, тот факт, что документ представлен на итальянском языке и, как установлено, в венецианской редакции, также отражает хорошее знание выходцами из Италии правовых реалий тюрко-монгольских государств, юридической терминологии, которая используется в данном документе в оригинале и без каких-либо дополнительных пояснений. Все это позволяет сделать вывод о весьма тесных взаимоотношениях итальянских торговцев и дипломатов с их партнерами и властями в чингизидских государствах и в какой-то мере об интеграции итальянцев в политико-правовые реалии этих государств, их готовности воспринимать правовые институты и принципы их права и следовать им, естественно, в той степени, в какой это не нарушало их собственных интересов. Столь тесный уровень взаимопроникновения также подтверждается в текстуальном отношении: многие положения текста проанализированного документа в значительной степени совпадают с формулировками других актов как Ильханата, так и прочих чингизидских государств, а в отдельных случаях и персидских актов более позднего времени (составители которых, вероятно, могли воспринять опыт чингизидского делопроизводства в Иране).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Вернадский Г. В.* О составе Великой Ясы Чингис-хана // История права. СПб.: Лань, 1999. С. 112–148.
- Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв.: чингизидские жалованные грамоты. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
- Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: источниковедческое исследование. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002.
- Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962.
- Карпини И. де П.* История монголов: Текст, перевод, комментарии / под ред. А. А. Горского, В. В. Трепавлова; пер. с лат. А. А. Вовина, П. В. Лукина; коммент. А. А. Горского и др. М.: ИДВ РАН, 2022.
- Карпов С. П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М.: Изд-во МГУ, 1981.
- Карпов С. П.* Контракт комменды в итальянской торговле в Южном Причерноморье (XIII–XV вв.) // Византийский временник. 1987. Т. 48. С. 23–32.
- Карпов С. П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М.: Изд-во МГУ, 1990.
- Книга Марко Поло / пер. с фр. И. П. Минаева. 4-е изд. // Путешествия в восточные страны / вступ. ст., коммент М. Б. Горнунга. М.: Мысль, 1997. С. 190–380.
- Козин С. А.* К вопросу о дешифровании дипломатических документов монгольских ильханов // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1935. № 7. С. 645–655.
- Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани.* Дастан ал-катиб фи тайин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней) / крит. текст, пред. и указ. А. А. Али-заде. М.: Наука, 1976. Т. II.
- Паушто В. Т.* Некоторые данные об источниках по истории монгольской политики папства. Древнейшие государства Восточной Европы // Русь. Прибалтика. Папство. Избранные статьи. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. С. 582–590.
- Персидские дипломатические документы времен шаха Сафи I из собрания Российского государственного архива древних актов / подгот. изд. А. А. Андреева и др. СПб.: Наука, 2021.

- Почекаев Р. Ю. Право Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009.
- Почекаев Р. Ю. Чингизово право: правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии. 2-е изд., испр. и доп. Казань: Татарское книжное издательство, 2022.
- Почекаев Р. Ю. Процесс 1251 г. и Мункесар-нойон: к вопросу о статусе судьи-дзаргучи в Монгольской империи XIII в. // *Mongolica*. Т. XXVI. 2023. № 1. С. 14–21.
- Пучковский Л. С. Заключительная формула в письмах ильханов Аргуна (1293) и Улдзэйту (1305) // *Советское востоковедение*. 1949. Вып. 6. С. 396–422.
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей / пер. с перс. А. К. Арендса, отв. ред. В. В. Струве. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Т. III.
- Рашид ад-Дин. Переписка / пер., введ. и коммент. А. И. Фалиной. М.: Наука, 1971.
- Соколов Р. А. Русская церковь во второй половине XIII — первой половине XIV в. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010.
- Тумахани Э. А. Лапидарные памятники ильханов: текстология и синтаксис // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2011. Вып. 16, № 4. С. 188–196.
- Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019.
- Шаймарданова З. Д. Письма ильханской канцелярии XIII в.: продолжение научной полемики // *Отан тарихы*. 2014. № 1. С. 91–100.
- Cleaves F. W. The Mongolian Documents in the Musee de Teheran // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1953. Vol. 16, no. 1/2. P. 1–107.
- Mas Latrie L. de. Privilege commercial accorde en 1320 a la Republique de Venise par un roi de Perse, faussement attribué a un roi de Tunis. Paris: S. n., 1870.

REFERENCES

- Andreev A. A. et al. (publs.) *Persidskie diplomaticheskie dokumenty vremen shakha Safi i iz sobraniia Rossiiskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov* [Persian Diplomatic Documents of the Times of Shah Sefi the 1st from the Collection of the Russian State Archive of Ancient Acts]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2021. (In Russian)
- Cleaves F. W. The Mongolian Documents in the Musee de Teheran. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, vol. 16, 1953, no. 1/2. pp. 1–107.
- Grigor'ev A. P., Grigor'ev V. P. *Kolleksiia zolotoordynskikh dokumentov 14 veka iz Venetsii: Istochniko-vedcheskoe issledovanie* [Collection of the Golden Horde Documents of the 14th Century from Venice: Source Study]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2002. (In Russian)
- Grigor'ev A. P. *Mongol'skaia diplomatika XIII–XV vv. (Chingizidskie zhalovannye gramoty)* [Mongolian Diplomacy of the 13th–15th Centuries. (Chingizid Diplomas)]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1978. (In Russian)
- Hautala R. *V zemliakh «Severnoi Tartarii»: Svedeniia latinskikh istochnikov o Zolotoi Orde v pravlenie khana Uzbeka (1313–1341)* [In Lands of the “Northern Tartary”: Information of the Latin Sources on the Golden Horde during the Reign of Khan Uzbek (1313–1341)]. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2019. (In Latin and Russian)
- Karpov S. P. *Trapezundskaia imperiia i zapadnoevropeiskie gosudarstva v XIII–XV vv.* [Trebizond Empire and Western European States in 13th–15th cc.]. Moscow: Moscow State University Publ., 1981 (In Russian).
- Karpov S. P. *Kontrakt kommendy v ital'ianskoi torgovle v Iuzhnom Prichernomor'e (XIII–XV vv.)* [The Contract of Commenda in the Italian Trade in the South of Black Sea Region (13th–15th cc.)]. *Vizantiiskii vremennik*, 1987, vol. 48, pp. 23–32. (in Russian)
- Karpov S. P. *Ital'ianskie morskii respubliki i Iuzhnoe Prichernomor'e v XIII–XV vv.: problemy torgovli* [Italian Maritime Republics and South of the Black Sea Region in the 13th–15th cc.: Problems of Trade]. Moscow: Moscow State University Publ., 1990. (In Russian)
- Kozin S. A. *K voprosu o deshifrovanii diplomaticheskikh dokumentov mongol'skikh il'khanov* [On the Decryption of Documents of Mongolian Khans]. *Izvestiia AN SSSR. Seriya istorii i filosofii* [Proceedings of the Academy of Sciences of USSR. Series “History and Philosophy”], 1935, no. 7, pp. 645–655. (In Russian)
- Minaev I. P. (transl.). *Kniga Marko Polo* [The Book of Marco Polo], 4th ed. *Puteshestviia v vostochnye strany* [Travels to Oriental Countries]. Intr., comments by M. B. Gornung. Moscow: Mysl' Publ., 1997, pp. 190–380 (In Russian).

Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani. *Dastur al-katib fi ta'yin al-maratib (Rukovodstvo dlia pistsa pri opredelenii stepenei)* [A Scribe's Guide to Determining Degrees]. Crit. text, intr. and index by A. A. Alizade. Moscow: Nauka Publ., 1976, vol. 2. (In Russian, Persian)

Pashuto V. T. Nekotorye dannye ob istochnikakh po istorii mongol'skoi politiki papstva. Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy [Some Data about Sources on History of Mongolian Papacy Policy. Ancient States of the Eastern Europe]. *Rus'. Pribaltika. Papstvo. Izbrannye stat'i* [Russia. Baltic Region. Papacy: Selected Papers]. Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniuu i nauke Publ., 2011, pp. 582–590. (In Russian)

Plano Karpini I. de. *Istoriia mongolov: Tekst, perevod, komentarii* [History of Mongols: Text, Translation, Commentaries]. Ed. by A. A. Gorskii, V. V. Trepavlov; transl. from Latin by A. A. Vovin, P. V. Lukin; comments by A. A. Gorskii et al. Moscow: Institute of Far East of RAS Publ., 2022. (In Russian)

Pochekaev R. Iu. *Pravo Zolotoi Ordya* [The Law of the Golden Horde]. Kazan': Fen Publ., 2009. (In Russian)

Pochekaev R. Iu. *Chingizovo pravo: pravovoe nasledie Mongol'skoi imperii v tiurko-tatarskikh khanstvakh i gosudarstvakh Tsentral'noi Azii* [Chinggis' Law: Legal Heritage of the Mongol Empire in the Turkic-Tatar Khanates and the States of the Central Asia], 2nd ed., rev. and suppl. Kazan': Tatar Booking Publ., 2022. (in Russian)

Pochekaev R. Iu. Protsess 1251 g. i Munkesar-noion: k voprosu o statuse sud'i-dzarguchi v Mongol'skoi imperii XIII v. [Trial of 1251 and Munkesar Noyon: on the Status of Jarguchi in the Mongol Empire of the 13th Century]. *Mongolica*, 2023, vol. 26, no. 1, pp. 14–21. (In Russian)

Puchkovskii L. S. Zakliuchitel'naia formula v pis'makh il'khanov Arguna (1293) i Uldzeitu (1305) [Concluding Formula in the Letters of Ilkhans Argun (1293) and Uldzeitu (1305)]. *Sovetskoe vostokovedenie*, 1949, iss. 6, pp. 396–422 (in Russian).

Rashid ad-Din. *Sbornik letopisei* [Compendium of Chronicles]. Transl. from Pers. by A. K. Arends, ed. by V. V. Struve. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR Publ., 1946, vol. 3. (In Russian).

Rashid ad-Din. *Perepiska* [Correspondence]. Transl., intr. and comments by A. I. Falina Moscow: Nauka Publ., 1971. (In Russian)

Shaimardanova Z. D. Pis'ma il'khanskoi kantseliarii XIII v.: prodolzhenie nauchnoi polemiki [Letters of Ilkhans' Chancellery: Continuation of Scientific Polemics]. *Otan tarikhy*, 2014, no. 1, pp. 91–100. (In Russian)

Sokolov R. A. *Rusaskaia tserkov' vo vtoroi polovine XIII — pervoi polovine XIV v.* [Russian Church in the Second Half of the 13th — First Half of the 14th c.]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2010. (In Russian)

Tumakhani E. A. Lapidarnye pamiatniki il'khanov: tekstologiya i sintaksis [Lapidary Monuments of Ilkhans: Textual and Syntax Study]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2011, no. 4, iss. 16, pp. 188–196. (In Russian)

Vernadskii G. V. O sostave Velikoi Iasy Chingis-khana [The Scope and Contents of Chinggis Khan's Yasa]. *Istoriia prava* [History of Law]. St. Petersburg: Lan' Publ., 1999, pp. 112–148. (In Russian)

Zakhoder B. N. *Kaspiiskii svod svedenii o Vostochnoi Evrope. Gorgan i Povolzh'e v 9–10 vv.* [Caspian Code of Information on the Eastern Europe. Gorgan and Volga Region in 9th–10th cc.]. Moscow: Foreign Literature Publ., 1962. (In Russian)

Submitted: 27.05.2023

Accepted: 11.09.2023

Published: 10.10.2023